

Безымянный

Террор гладиатора

Гладиатор

Безымянный
Террор гладиатора

«Научная книга»

Безмянный

Террор гладиатора / Безмянный — «Научная книга»,
— (Гладиатор)

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая.	15
Глава третья.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Автор неизвестный

Террор Гладиатора

Глава первая.

Иван шел по бездорожью уже третий час после того, как наступила темнота, и в голове его сидела только одна мысль – уйти как можно дальше от того места, где он «наследил», убил этих нехоти попавшихся на его пути широкоскулых местных жителей, отметился убийством. Ему нужно было во что бы то ни стало оторваться от преследования, сбросить «с хвоста» омовцев, тупых, как морда бульдога, но столь же цепких, как бульдожья челюсти, и столь же упрямых, как бульдожья натура.

Еще важнее было уйти как можно дальше и от того места, где он сделал то, что должен был сделать, заложив небольшую часовую мину.

Иван посмотрел на часы. Остались считанные минуты. Иван предполагал, что взрыв, причиной которого станет его небольшая тротиловая «игрушка» он и услышит, и даже увидит. По всем расчетам, фейерверк должен получиться просто исключительный. И Иван старался как можно дальше уйти от эпицентра будущего взрыва.

Если бы не эти омовцы, случайно оказавшиеся на его пути и изрешетившие автоматными очередями колеса его «жигуленка»... Он бы сейчас был уже километров за триста отсюда, и уже начал бы второй этап операции «Вздох».

Ивану пришлось сделать спринтерский рывок до опушки леса – омовцев было человек двадцать на двух машинах. Лес – это был единственный вариант, где шансы Ивана с этим омовским отрядом как-то уравнивались. Иван ушел в лес, что совсем не входило в его первоначальные планы. Два десятка омовцев устремились за ним.

Впрочем, нет, меньше. Двое остались с машинами, и троих Иван застрелил, пока бежал к лесу. Значит, всего пятнадцать. Если бы не Задание, если бы не жесткий срок начала второго этапа операции, Иван остановился бы и разобрался с этими пятнадцатью тупыми увальнями, которые не умеют бесшумно, не тревожа ни сухих сучьев, ни сорок, ходить по лесу, которые на курок нажимают так долго, что Иван успевает выпустить четыре пули и все прицельно. А эффективность его стрельбы – от 100 до 50 процентов. Из неподвижного положения по неподвижной мишени – 100 очков из 100 возможных. Если же мишень вылетает, кувыркаясь, из взрывающегося здания, а ты в этот момент вылетаешь из взрывающегося автомобиля и тебя тоже крутит вокруг собственной оси – то только 50 из 100. В лагере спецподготовки Иван всегда стрелял лучше и быстрее всех.

В десятый раз за эти три часа Иван вспоминал Чечню, и каждый раз – с сожалением, что сейчас ему приходится работать в средней полосе России, а не на иссеченной Господом Богом и людьми территории Великой Ичкерии. Иван не был мусульманином, вопросы официального шариата или неписанного адата его не волновали нисколько. Правда, и о христианстве он знал только понаслышке, ни разу не побывав в церкви, а Библию читая только в качестве художественной литературы. Но о том, что человек изначально грешен, и Бог посылает ему наказание за его грехи, Иван, конечно, слышал. И всегда считал, что пережитое им в Чечне – плен, рабство, участие в гладиаторских боях, в которых ему приходилось убивать друзей и защищаться от их, грозящих смертью ударов, а потом – побег и война, которую он, Иван Марьев, лично объявил этой стране, и в единоборстве с которой, в гладиаторской схватке с нею, победил – все это происходило ему в наказание за какие-то неизвестные ему, неосознанные грехи. Именно поэтому и иссек Бог лицо Ичкерии оврагами и ущельями, а лица мужчин,

ее населяющих – шрамами, поэтому наполнил чеченскую жизнь войной, убийствами, смертью. Чтобы усложнить его путь, наполнить его терниями.

Смерть стала настолько привычной для Ивана, что в нее он верил гораздо больше, чем в Бога. Он о нем просто не думал никогда. Жизнью правила Смерть и диктовала свои условия тем, кто хотел выжить. А Иван хотел выжить, и, наверное, только поэтому – сумел выжить...

Если Чечня была для Ивана Испытанием, то средняя полоса стала – Заданием. Вернувшись из побежденной им Чечни в Россию, в Москву, Иван познакомился с Крестным, случайно оказавшись в самом эпицентре террористического акта, который проводили «бойцы» Крестного...

Да, это произошло случайно, но эти люди не могли не встретиться. Иван, «отмороженная» в Чечне душа которого едва-едва шевелилась только когда ему грозила смерть или он сам убивал кого-то. И Крестный – человек, сделавший смерть – производительной силой, создающей ему капитал. Побывавший в советское время в составе спецподразделений службы безопасности во всех «горячих точках» планеты. Очень редко убивавший сам, но посылавший на смерть равнодушно, как за пачкой сигарет в ближайший киоск.

Иван в Чечне душу «отморозил», Крестный – выжег ее до основания, до корней в Венгрии, Чехословакии, на Кубе, в Сальвадоре, Чили, Никарагуа, Камбодже, Иране, в Анголе и Вьетнаме.

Конечно, они не могли не встретиться. Один из них не владел никаким другим искусством, кроме искусства убивать, другой – долго и упорно искал столь искусного в науке смерти человека, который смог бы осуществить его грандиозную идею. Если бы план Крестного удалось воплотить в жизнь, уже через несколько месяцев он мог бы навсегда покинуть осточертевшую Россию, которая только на то и годилась, чтобы ломать ее на куски и из каждого куска пытаться выжать как можно больше денег, как можно больше пользы для себя. Он поселился бы наконец в небольшом особнячке на берегу озера Онтарио, на канадской стороне, на побережье между Оттавой и Торонто, в местах, полюбившихся с детства, по книгам, и не разочаровавших его, когда он попал туда, выполняя секретное задание службы госбезопасности.

Напротив, у него появилось тогда странное чувство душевного спокойствия и уравновешенности, которое могло бы возникнуть, как он предполагал, если бы ему удалось войти в старый деревянный домик своего отца, волжского бакенщика, улечься снова на высушенных до музыкального скрипа досках чердака, на которых он порой проводил целые дни с Купером или Майн Ридом в руках, и, прикрыв глаза, вспоминать деловитые гудки волжских буксиров и крики разыскивающей его матери.

Он хорошо запомнил тогда это удивительное чувство осуществления невозможного. Тем более хорошо, что его старенький родной дом, который отец срубил на самом берегу Волги из выловленных в реке бревен от разбитых на волжских порогах плотов, давно находился на дне Куйбышевского водохранилища. И войти в него можно было только в водолазном костюме. Он ненавидел Волгу, особенно ту ее часть, что перестав быть рекой, так и не стала морем, приобретя только какое-то напыщенное спокойствие и неестественную плавность – от Жигулевска до устья Камы и дальше до Чебоксар. Знал он, конечно, что практически вся Волга превратилась в цепь водохранилищ, но другие его не волновали, он ненавидел только это – Куйбышевское, утопившее его детство.

И еще – если бы не «Куйбышевское море», был твердо убежден Крестный, – никогда бы его не тянуло к службе в госбезопасности, никогда бы не испытывал он болезненного удовольствия ни от вечных интриг в Москве, ни от внешних секретных операций, успешно завершав которые, он получал самое полное удовлетворение, не сравнимое с тем, что могла бы ему дать любая, самая прекрасная и самая сексуальная женщина.

Точно так же никогда бы не стал майор Госбезопасности Владимир Крестов легендарным, полумифическим в нынешней Москве Крестным, к которому сходились нити, протяну-

тые как с самого верха, так и с самого низа. И только он, Крестный, знал за какую дернуть, чтобы добиться нужного результата. Того, за который кто-то готов заплатить и заплатить много. Очень много.

И, наверное, закономерно, решил в конце концов Крестный, что именно его служба, его секретные задания привели его в место, так живо напомнившее родные по детским воспоминаниям места. Озеро Онтарио воскресило его утонувшее в Волге детство. А теперешняя его столь же подпольная «работа» дала, наконец, возможность купить свое воспоминание о детстве – крохотный кусочек побережья одного из любимых с детства Великих озер.

Он давно мечтал приобрести там «запасной аэродром» лично для себя. Мало ли какие ситуации могут возникнуть в жизни при его нервной работе.

Канадской «соломки» он подстелил себе совсем недавно, когда по его заданию Иван ликвидировал бывшего премьер-министра, серьезно претендовавшего на президентское место, и Крестный получил за это с заказчика сумму, которой ему вполне хватило на покупку того самого полюбившегося особняка. Да еще и Ивана не обидел. Хороший был заказ, что там говорить.

Но это, по большому счету, были мелочи, Крестный совсем не собирался сидеть на берегу Онтарио на хлебе с квасом, пусть даже вместо хлеба будет «hot-dog», а вместо кваса – «Johni Wolker» с содовой. Такого нищенства он и в советской России не посмотрелся. Он хотел вообще забыть про заботу о хлебе насущном. Раз и навсегда. И одного особняка на берегу Онтарио ему было бы явно мало. Крестный хотел иметь такие особнячки в самых разных местах известного ему мира, он с детства был романтиком и не любил долго сидеть на одном месте. Африканская саванна, австралийская пустыня, североамериканские прерии, бразильская сельва, аргентинские пампасы – Крестный был везде и всюду хотел побывать вновь. Но уже не как секретный разведчик, боевик, шпион, а как хозяин жизни, объезжающий свет не по прихотям геополитики, а по своему собственному желанию.

И он знал – как взорвать эту все еще великую после распада «Союза советских» страну под названием Россия. Чтобы в великой смуте высосать из нее финансовую влагу, поддерживающую государственную жизнь. А насосавшись ее вдоволь, потихоньку уползти со сцены, остаться в сторонке. В той сторонке, где «так похоже на Россию, только все же – не Россия.» И слава Богу или Дьяволу, все равно кому, слава, что – не Россия...

– Именно нам с тобой, Ваня, выпала великая роль, – в голове размеренно бежавшего по лесу Ивана всплыл последний, совсем недавний разговор с Крестным, – похоронить эту страну. Миссия не хуже, чем у Петра Первого, только с обратным знаком.

Иван иронически усмехнулся.

– А ты, Ваня, не смейся над стариком. Сам знаю – склероз замучал. Ну – не Петр Первый, ну – Иван Калита, что ли?.. Черт их там знает, с кого началось это государство! Только пошли они все на хрен вместе со своим долбаным государством. Один Иван начал, другой – кончит. Не знаю, что будет на этих землях лет через сто, если вообще что-нибудь будет, но в учебнике, который сможет прочитать любой здешний школьник, напишут, что Россию разрушил Иван Марьев в самом конце двадцатого века. И ты знаешь, Ваня, – правду напишут.

Иван вновь усмехнулся. Он знал неискоренимое пристрастие Крестного к трепу, и пока ни одного слова еще не воспринял серьезно.

– Смеешься... Согласен, это я немного перегнул – никто не узнает, что сделал это именно ты. Вернее, мы с тобой вдвоем. Я придумал, а ты сделал. Но мы-то сами с тобой знать будем? Без всякого сомнения. А что нам мирская слава? Это ж дым и тлен... Да наплевать нам на нее! Нам с тобой памятники не нужны.

Крестный посмотрел на Ивана с театрально подчеркнутым подозрением.

– Или тебе нужен памятник, Ваня? – спросил он, ужаснувшись.

Иван усмехнулся в третий раз. Что-то уж понесло Крестного..

– Слушай, Крестный, я помню, во времена моего детства был такой знаменитый клоун – Олег Попов...

– Эх, Ваня, – перебил его Крестный, – обижаешь старика. Думаешь, ерничает Крестный, совсем из ума выжил. Подкосило, мол, старого предательство его «бойцов», которых ты перецелкал как куропаток. Не оправится теперь никак старый пердун... Так ты, наверное, думаешь, Ваня? Сам вижу, что так...

Крестный налил им по полстакана хлебной довганевской водки.

Они сидели на Арбате, в маленьком ресторанчике, который был личной собственностью Крестного, и в котором можно было говорить все, что хочешь, ушей у стен здесь не было, а обслуживал их глухонемой официант, который боялся Крестного больше самой смерти. Это по приказу Крестного ему когда-то проткнули перепонки в ушах и отрезали язык. Но тогда он был сам виноват – провинился...

– А зря ты, Ваня, так думаешь, – продолжал Крестный. – Мне на тех щенков – тьфу! Я таких за свои годы не одну сотню воспитал и похоронил. Мне главное – тебя надо было испытать. Ты не моей выделки, но тем-то мне и дорог. Ты, Ваня, самородок. Вот я и затеял ту игру в «догонялки». И ты, Ваня, экзамен сдал на отлично. За это давай и выпьем! За тебя!

Крестный торжественно поднял свой стакан с водкой. Иван тоже поднял, медленно шевельнул водку в стакане, приготовился выпить.

«А что же ты, Ваня, не отказываешься? – подумал Крестный, но вслух этого говорить не стал. – Раньше ты пить не стал бы. Ведь чувствуешь же, что я не только треплюсь, что будет, будет сегодня серьезный разговор! И пьешь. Это не похоже на тебя прежнего. Ох, не кстати, не кстати, ты связался с этой бабенкой, что живет у метро Октябрьская... Хорошего от баб никогда не жди!»

– Ну так, что же ты, Ваня? Пьем. За тебя!

Они выпили. Крестный видел, что настроение у Ивана не сказать, чтобы отличное, но – ему нравилось пить водку, ему нравилось закусывать, ему нравилось... – Крестный с ужасом об этом подумал – ему нравилось жить. Этого быть просто не могло! Не должно было быть. Ведь этак еще чуть-чуть, и отойдет «отмороженная» в Чечне иванова душа, «оттает», и чем станет после этого – черт же ее знает? Но Крестного эксперименты не интересовали. Ему нужен был Иван – такой, каким он был сейчас.

«Его надо срочно из Москвы удалять, – подумал Крестный, – а то я его лишусь. И тогда плакали все мои большие планы... Его нужно уже сейчас в то пускать, иначе – поздно будет. Или совсем откажется, или – еще хуже – возьмется, но не сумеет.»

От последней мысли Крестному даже несколько смешно стало. Иван – не сумеет! Иван умеет все! Это Крестный знал твердо, поэтому дорожил им, поэтому не собирался никому отдавать Ивана – никаким бабам, никакому ФСБ, даже со смертью он за Ивана поспорил бы. Нет, этот человек сможет все, что задумал Крестный. Но... нужно поторапливаться, пока Иван – все тот еще Иван, прежний.

– Грустно мне, Ваня. Ведь ты мне как сын, клянусь... А вот опять расставаться нам с тобой надо...

Говоря это, Крестный внимательно наблюдал за Иваном. Не мелькнет ли в его лице какая-то растерянность, не отразится ли сожаление о чем-то? Но Иван продолжал смотреть на него по-прежнему спокойно. Вот только... Или показалось Крестному? Стал чуть мрачнее, чем был секунду назад... Да нет, показалось, вроде бы...

– Я ведь, Ваня, не трепался насчет того, что хоронить пора Россию. Пора. Мы с тобой ей могилку выроем. А ляжет она в нее сама. Сама себе и отходную прочитает. А мы тем временем свое возьмем, да и уедем с похорон к чертям собачьим. Заберем с собой тех, кого нам взять хочется, да и укатим. Я тут, скажу по секрету, вдовушку одну приглядел, ох, и в соку баба – даже лентяй мой привстал, тоже, видно, познакомиться хочет. И ты, Ваня, можешь бабешку

себе какую-никакую подобрать. С ней и уедешь – куда угодно, только подальше отсюда. Ведь в этой стране, после того, что мы с нею сделаем, жить будет нельзя...

Как ни вглядывался Крестный в неподвижное лицо Ивана – не увидел никакой реакции. «Ну, что ж, – подумал он, – тем лучше.»

– Верные люди сообщают мне, Ваня, что в казне много денег завелось. Да и сам я вижу, что похоже это на правду. Но это же не порядок... Зачем казне деньги? Чтобы жизнь налаживать? Да ведь если государство жизнь наладит, оно нам с тобой житья не даст. Верно, Ваня? Знаю, что ты со мной согласишься. А ведь рано или поздно оно порядок наведет. И нас с тобой – проглотит. Вот и подумал я – стоит ли ждать этого черного дня? Когда нам твое искусство понадобится не для того, чтобы деньги зарабатывать, а для того, чтобы себя спасти. Не лучше ли подождать, когда в кормушке накопится побольше корма, да и забрать его разом, пусть при этом придется разломать всю кормушку? И знаешь, Ваня, сейчас именно такое время настало...

Иван слушал теперь внимательно и очень напряженно. Он еще не понимал, к чему клонит Крестный, но чувствовал, что дело предстоит очень серьезное. Такое большое дело, в котором он еще ни разу не участвовал. Не меньше Чечни, а то и побольше.

– Ты слышал, что наше российское Правительство скоро получает чертову уйму долларов от Международного валютного фонда?

Иван опять усмехнулся.

– Правильно, Ваня, все в России слышали. И ты, конечно, слышал, как называется этот заем? Он называется стабилизационным! Ты понял, Ваня? Послушай меня старика – эти доллары пойдут на большой-большой замок для нашей с тобой кормушки. Ты не расстроен? А я так расстроился, когда это понял... Ваня, поверишь, я ночь не спал. Мучался, думал, и так и этак прикидывал. А утром я понял, что пора. Пора, Ваня, начинать последний акт этой государственной комедии под названием «Россия». И я позвонил тебе, Ваня, и попросил встретиться со мной. И вот мы сидим вдвоем и пьем водку, потому что все это было сегодня утром...

Крестный тяжело вздохнул и по-отечески положил руку на плечо Ивана.

– Как только деньги окажутся в российских банках, мы, Ваня, начнем операцию «Вздох». Это будет последний, предсмертный вздох России. Мы запалим с тобой такой костер на Восточно-Европейской равнине, что болота в Западной Сибири высохнут. В этом костре сгорит Москва. Нет, конечно, не в прямом смысле. Она перестанет существовать как политическая сила. Но не сразу. Не сразу... Сначала она бросит в этот костер все свои деньги, пытаясь удержаться на политической поверхности. Часть этих денег обязательно попадет к нам, Ваня.

– Только часть? – глухо переспросил Иван. – И большая часть?

«Ты меня все больше беспокоишь, Ваня, – тревожно подумал сразу же насторожившийся Крестный. – Ты никогда раньше не спрашивал об этом...»

– Достаточно большая, чтобы нам никогда больше не думать о деньгах.

– Что я должен сделать? – спросил Иван.

– Поднести фитиль, – ответил Крестный. – В нескольких местах. Чтобы вспыхнуло и рвануло. Только и всего. У тебя – самая легкая роль. Правда, сыграть ее кроме тебя никто не сможет...

...»Сволочь, Крестный, – подумал на бегу Иван, привычным жестом раздвигая висящие почти до земли ветки низкорослых березок и подныривая под толстые ветви кряжистых дубков, – нашел самую легкую роль. Самого бы тебя прогнать вот так по лесу, сдох бы на втором километре. Что-то, однако, взрыва не слышно...»

В этот момент и рвануло где-то далеко-далеко у него за спиной. Иван остановился на краю небольшой опушки, обнажившей край поросшего лесом оврага. Он обернулся в ту сторону, откуда бежал. Как Иван и предполагал, он не только услышал, но и увидел зарево от взрыва. Взрыв был, собственно, не один. Через несколько секунд после первого раздался вто-

рой, затем третий. Зарево раскатилось широким фронтом по горизонту, окрасив запад тревожным закатным цветом и сразу же затмив едва начавший сереть восток.

Иван сплюнул себе под ноги загустевшую от долгого бега слюну, достал фляжку, прополоскал горло. Он решил, что у него есть пара минут на то, чтобы спокойно покурить, и открыл пачку «Winston».

Омоновцы его мало беспокоили, отрядом в пятнадцать человек они никак не могли двигаться с такой же скоростью, Иван от них за три часа хорошо оторвался. Тем более, что сейчас они наверняка тоже остановились, смотрят на зарево и обсуждают, что бы это могло значить. Возможно, они даже повернут обратно. Возможно – разделяться на два отряда, один из которых будет продолжать преследование. А впрочем, хрен с ними, пусть преследуют, Иван их мало опасался. По его расчетам, скоро должна быть река, а там и железнодорожная линия, на которой Иван сумеет раздобыть себе если не купе или плацкарту, то по крайней мере, тормозную площадку в товарном вагоне.

Второй фейерверк он должен устроить всего через пять часов. Хотя, вряд ли это будет похоже на фейерверк. Там будет, скорее, костер, это Крестный правильно тогда выразился. Неплохой такой костерок Иван собирался устроить часов через пять – на несколько сот гектаров. Так они запланировали с Крестным, люди которого следят сейчас за оперативными сообщениями и готовы выдать нужную интерпретацию событий в средствах массовой информации. Поэтому график нужно выдерживать точно. Соблюдение графика – это своеобразный код, которым Иван сигнализирует Крестному, что все идет точно по плану.

Иван еще раз взглянул на часы, прикинул скорость, с которой ему удавалось двигаться по пересеченной местности точно на восток... Да, река не дальше, чем в получасе бега с той же скоростью.

«Хватит курить, – приказал он себе. – Пора двигаться.»

Иван ножом подрезал пласт дерна, сунул под него окурочку, чтобы не облегчать своим возможным преследователям проблему поиска его следов, и, с места взяв прежнюю скорость, вновь направился на восток.

Дорога, первое время вызывавшая какое-то напряжение необходимостью лавировать между деревьями и следить за сучьями, торчащими на уровне глаз, вызывала теперь лишь утомление своим однообразием и не отвлекала от мыслей и воспоминаний.

«... – Что я должен сделать? – повторил Иван. – Конкретно.

– Не горячись, Ваня, не горячись...

Крестный был большим мастером тянуть резину. Иван знал это и не раздражался. Раз завел разговор – сам скажет рано или поздно.

– Сначала я должен объяснить тебе ситуацию, чтобы ты понял, чего я от тебя хочу, и действовал осознанно, а не как слепой щенок, тыкаясь мордой куда попало, и натываясь носом на колючки...

Крестный посмотрел Ивану в глаза несколько дольше, чем того требовала обычная пауза в разговоре. Явно хотел привлечь внимание к своим следующим словам. Хотя Иван и без того слушал его с напряженным вниманием. Да Крестный и сам это видел и своей болтовней хотел хоть чуть-чуть разрядить напряжение.

– Ты, Ваня, был в Чечне, – продолжал он слегка приглушенным тоном. – Ты все видел своими глазами. Это гнилой угол России. На маленьком пятачке российской территории живет куча народов, у каждого из которых свой счет друг к другу и у всех них – один большой счет к России. Это золотое место для тех, кто хочет сорвать свой куш с государственной казны. Война, Ваня, придумана исключительно для того, чтобы зарабатывать деньги. И начинают ее только те, кто может заработать на ней.

Иван слушал молча, сосредоточенно глядя в блестящие лихорадочным блеском глаза Крестного. Ни разу прежде не видел Иван этого блеска в его глазах, обычно пустых и безжиз-

ненных. Лишь изредка слегка загорались в них тусклые огоньки – когда Крестный вспоминал Кубу или Анголу, Сальвадор или Камбоджу.

– Кем ты был в Чечне? Я не хочу тебя обижать, Ваня, мне самому за тебя обидно, но, согласишься, – ты был пушечным мясом... Ну, до тех пор, пока ты не стал тем, кто ты есть. Согласен со мной?

Иван кивнул. Крестный был прав. В Чечню Иван поехал не по своей воле. Он выполнял приказ, истинной цели которого не знали даже командиры его командиров. До тех пор, пока он сам, Иван Марьев, не объявил Чечне свою, личную войну, он был пушечным мясом. Но после того он стал маршалом, главнокомандующим, генералиссимусом. И единственным солдатом своей армии.

– На тебе, на таких как ты кто-то зарабатывал большие деньги. Очень, Ваня, большие. Огромные. Мне всегда это казалось очень несправедливым. Чем тебе заплатили за Чечню? Умением убивать? Так, ведь, это не те заплатили, кто тебя туда послал. Это не они, это Господь Бог над тобой смилостивился, Ванюша...

Крестный усмехнулся. Поднял руку над головой, щелкнул пальцами. Через секунду у их стола оказался медведеобразный официант с новой бутылкой водки «Довгань». Тот самый официант, глухонемой. Иван про себя называл его Гризли – уж очень он был похож на одного из бойцов его дикого чеченского отряда, про которого ходили слухи, что тот голыми руками отрывал чеченцам головы.

Крестный налил еще по полстакана, выпил сам, не приглашая Ивана, понюхал тыльную сторону своего кулака и продолжил.

– Как это у нас в России говорят? «На Бога надейся, а сам не плошай»? Так, что ли? Или – «Не надо ждать милости от Бога, взять ее – вот наша задача»? Мне лично второй вариант нравится даже больше, конкретнее он как-то. А тебе, Ваня? Или у тебя есть своя поговорка?

Иван тоже выпил водку залпом, поморщился и ответил, усмехаясь:

– Есть, Крестный, своя поговорка. Тебе скажу, что засела она в меня еще со школьных времен, подцепил в какой-то книге. Вроде бы, в Древнем Риме так говаривали: «Fortuna non penit, in manus non retiba!».

– Ну-ка, ну-ка, Ваня, по-русски как будет? Извини старика, подзабыл я все языки, на которых когда-то говорил, а уж латыни-то и не знал никогда.

– Не знаю, как точно будет, но для себя я так ее всегда переводил: «Судьба не хуй, в руки не возьмешь». И знаешь, Крестный, чем дальше, тем больше убеждаюсь, что не дураки были древние римляне.

Крестный рассмеялся, откинувшись на кресле и дурашливо отмахиваясь от Ивана руками.

– Ох, Ваня, не смейся над стариком. Как ты сказал? Фортуна нон пенит... Ну, чудачки были твои древние римляне. Ну, чудачки...

Крестный вдруг перестал смеяться и посмотрел на Ивана внимательно и серьезно.

– Только ошиблись они, Ваня. И ты ошибся, когда им поверил. Зачем мне моего лентяя в руки-то брать, когда он уже не годен ни на что? А вот судьбу я еще в руках подержу. Подержу, пока не выдою из нее все, что мне от нее нужно. И ты, Ваня, сделаешь то же самое, вопреки своей поговорке. Если ты против, скажи сразу. Я не буду продолжать, и мы оба забудем об этом разговоре.

Иван не встал, не ушел, не сказал «Нет». Он промолчал, соглашаясь, фактически, на предложение Крестного. Иван знал заранее, что за словами Крестного стоит сама Смерть, вестником которой будет он, Иван Марьев. И сразу потянуло запахом промокшего на дожде чеченского редколесья, стукнул в ноздри смрад гниющего человеческого мяса и приторный запах свежей крови, а вслед за этим все перекрыла вонь чеченского дерьма, в котором он сидел, прикованный цепями к столбам в выгребной яме сортира за попытку убежать из рабства. Он

тогда пережил свою смерть, и с тех пор остро и болезненно чувствовал ее близость, ее дыхание. И когда Крестный предлагал ему какую-нибудь работу, Иван всегда предчувствовал близкое опьянение от чувственной близости со смертью, потому, что Крестный никогда не предлагал работы, которая не подразумевала бы чьей-то смерти. И смерти Ивана, в том числе, если он не справится.

Иван молчал.

– Ну? – спросил Крестный.

Иван молча и медленно кивнул.

– Я знал это, – сказал Крестный очень серьезно, без тени какого-нибудь ерничества. – Я не мог в тебе ошибиться, Иван.

Иван даже поморщился, так его резануло это «Иван» из уст Крестного, который его иначе, чем «Ваня», никогда не называл. Ну, иногда еще – «сын»... Крестный явно нагружал его важностью момента и ответственностью за принятое только что Иваном решение.

– Продолжаем разговор, – вернулся к привычной шутовской манере Крестный. – Знаешь, где судьба наша с тобой прописана? Не знаешь... А скажи мне тогда, где еще в России живут на небольшом клочке российской земли не меньше десятка народностей, каждая из которых мечтает стать нацией, достойной самостоятельного государства? И не только мечтает... Есть среди них и такие народы, которые считают величайшей несправедливостью отсутствие собственной полноправной государственности. Тем более, что было, было когда-то и у них свое государство, сильное, на равных разговаривавшее с Россией. И если вокруг него костеришко разжечь, взорвется, помяни мое слово – взорвется. А если уж Казань взорвется – вся Волга запыхает. И если когда-то Разин по ней плоты с виселицами пускал, то теперь из трупов придется плоты сбивать. Хочешь быть волжским плотогоним, Ваня? А впрочем, что ж я спрашиваю, ведь ты согласился уже...

... Вот и река. Какая, впрочем, река – речушка. Инсар, что ли, или что-то в этом роде. Главное, что за ней – железная дорога. Иван уже заметил товарный состав, идущий к северу, именно в том направлении, которое его интересовало. Идти вдоль реки до железнодорожного моста – это еще километров двадцать. Гораздо проще переправиться через реку прямо здесь и сесть на любой попутный поезд, не теряя дорогого уже времени.

Иван не рассчитывал найти лодку. Не такие это населенные места, даром, что находится он сейчас в самом центре России.

Пройдя с полкилометра по берегу, заросшему кустами орешника, и поднимая в воздух целые полчища злых как волки комаров, Иван отыскал, наконец, то, что нужно. У самой воды лежало сваленное ветром сухое дерево. Поработав минут пять ножом, он полностью освободил его от цепкой вьющейся травы, и, хотя и с трудом, но без особых проблем, столкнул в воду. Иван срубил молодую березку, сделал из нее довольно крепкий шест, метра два длиной и, оседлав ствол дерева, оттолкнулся от берега.

Речушка оказалась на удивление глубокой, в метре от берега он уже не мог достать своим шестом дна. Но настойчивое, хоть и медленное течение потянуло его на середину реки, ширина которой была всего-то метров пятнадцать-двадцать, и вскоре Иван плыл по серо-стальной в рассветном мареве спокойной поверхности воды, ровная гладь которой нарушалась всплесками проснувшейся уже и голодной с утра рыбы. Судя по тому, что круги от этих всплесков на воде расходились то и дело справа и слева от Ивана, утренний клев сегодня обещал быть неплохим.

Впрочем, Иван не был рыбаком, так же, как не был он и охотником. В рыбалке его раздражала глупость рыбы, которую он воспринимал как какого-то соперника, противника, которого надо обязательно победить. А Иван не мог бороться против глупого противника. Это было просто скучно. Так же скучно, как убивать зверей, лишенных возможности ответить Ивану такой же смертельной опасностью, какую он представлял для них. Иван с оружием в руках был

уже не охотником, он был убийцей, никогда не делающем промахов. Можно было бы, конечно, ходить на охоту и без оружия – на кабана, например, или на медведя.

«Но это уже не охота, – усмехнулся Иван. – Это что-то другое, для чего и названия нет...»

Придумывать название для такого экзотического занятия у Ивана не было ни желания, ни времени. Понемногу подгребая своим шестом, он перебрался вплотную к противоположному берегу, оказавшемуся несколько более пологим. Река даже намыла вдоль него небольшой узенький песчаный пляж. Оттолкнув от берега свой «плот» почти на середину реки и пустив вслед за ним березовый шест, Иван поспешил от реки к железнодорожной линии.

Проблемы – как остановить железнодорожный состав, – для Ивана не существовало. Наскоро разбросав из под одного рельса щебень, и очень грубо придав своему подкопу отдаленное сходство с промоиной, Иван выбрал в сухостое две длинные ветки и воткнул их крестнакрест над рельсами в насыпь над тем местом, где сделал подкоп. Оставляют ли такие знаки путевые обходчики, он не знал, но рассчитывал, что это привлечет внимание машиниста поезда как знак опасности. Потом подумал, что этого, пожалуй, будет недостаточно. И устроил на рельсах небольшой завал из молодых березок и осин. Издалека выглядело довольно внушительно, хотя и мало походило на знак предупреждения об опасности.

Затем Иван прошел метров двести в южном направлении, спустился с насыпи, спрятался в кустах и закурил в ожидании состава.

Он выкурил ровно три сигареты, и когда растирал в руках окурок последней, до него донесся сначала равномерный отдаленный стук, который мог исходить только от движущегося железнодорожного состава, а затем и резкий, несколько раз повторившийся гудок тепловоза. Иван приготовился. Состав явно замедлял ход, озадаченные ивановым завалом машинисты пытались рассмотреть, что это за баррикада такая стоит на рельсах. Иван видел, когда тепловоз медленно прополз мимо него, как напряженно всматривается вперед человек в кабине машиниста.

Состав так и не остановился. Но вперед он двигался уже еле-еле. Иван со своего наблюдательного пункта видел, что из тепловоза метров за тридцать до завала выпрыгнул один из машинистов и пробежал, обгоняя состав, вперед. Убедившись, вероятно, что ничего опасного там нет, он махнул рукой и побежал обратно. Состав начал набирать ход. Подождя, пока мимо него пройдет примерно две трети вагонов, Иван выскочил из кустов, в несколько длинных прыжков достиг состава и, ухватившись за торчащую в сторону лесенку, без особого труда забрался на заднюю площадку одного из вагонов ближе к концу состава. Никто его, вроде бы, не заметил. А если и заметил, то – мало ли кто в России по вагонам шныряет со своим личным интересом...

Отдышавшись и закулив, он посмотрел на запад, в ту сторону, откуда пришел этой ночью. Три высоких столба черного дыма поднимались на западе к мрачно-темному еще небу. Средний был пониже и пошире двух крайних. Слабый у поверхности земли и все усиливающийся с высотой северный ветер, сносил дым к югу, и Ивану на мгновение показалось, словно три огромных немилосердно коптящих паровоза мчатся к югу друг за другом по одной колее.

Но Иван хорошо знал, что это иллюзия, игра воображения. Ему было известно происхождение этих дымов. Посередине дымила станция подземного хранения газа, расположенная в сорока километрах к северу от Саранска на нитке газопровода Саранск-Нижний. Точнее – бывшая станция. На ее территории догорало все, что могло гореть. А гореть на месте взрыва нескольких кубических километров газа могло почти все – даже железо.

А два других поднимающихся вверх дыма – это концы разорванного Иваном газопровода. Газ сдетонировал в трубе на расстоянии не меньше километра от эпицентра взрыва. Нитка газопровода по обе стороны от станции взлетела в воздух, словно линейный шнуровой заряд, поднимая вверх тонны земли, валя окружающие деревья, линии электропередач, словно муравьев разбрасывая и насмерть калеча случайно оказавшихся около газопровода людей.

Тем, кто оказался на станции в момент взрыва, повезло больше. Они умерли практически мгновенно, не успев понять, что происходит. Это была легкая смерть, без мучений, без боли, без осознания невозвратности совершающегося, без страха перед неизвестным. Люди просто мгновенно превратились в пепел в потоках расширяющегося и одновременно взрывающегося сжатого газа, и пепел этот уже разнесен по лесистым и луговым просторам их малой родины, лежащей в центре Родины большой.

Первая искра того костра, о котором говорил Крестный Ивану, была зажжена. И зажег ее Иван. А сейчас ехал на север, чтобы зажечь там вторую искру, выпустить на волю еще один язык пламени, в котором, по расчетам Крестного, должна была сгореть Россия.

Глава вторая.

Ивану повезло даже больше, чем он рассчитывал. Вагон, на который он запрыгнул – большая открытая сверху коробка на колесах, – был загружен только лишь наполовину свежей сосновой восьмидесяткой. Иван спрыгнул внутрь и с удовольствием растянулся на широких, больше полутора метров в поперечнике сосновых досках. От густого, плотного, почти осязаемого запаха сосновой смолы временами начинала кружиться голова.

Он, почему-то, был уверен, что полвагона отличной деловой сосны попросту украли предприимчивые, хотя и простецкие с виду аборигены этих мест. За сутки, которые он провел в Мордовии, выбирая наиболее подходящее место для терракта, он насмотрелся на местный народ, наивно-простодушный на первый взгляд, но никогда не упускавший возможности украсть то, что плохо лежит, а то, что лежит хорошо разглядывающий долго и внимательно, словно не веря до конца, что украсть это нельзя.

Иван улыбнулся, вспомнив, как на трассе Пенза-Саранск ранним-ранним утром он остановил своего «жигуленка» на совершенно пустынном шоссе. Облегчиться захотел, поссать, то есть. Едва он спустился к кустам красной смородины, росшим за обочиной, – ягоды, может быть, еще и не созрели, но выглядели очень аппетитно, – как с противоположной стороны, из таких же кустов вышел низкорослый, одинаково широкий как в плечах, так и в бедрах, мужчина в засаленных джинсах и мятом широченном пиджаке, который когда-то был, скорее всего, желтого цвета. Судя по резко очерченным скулам и безмятежно-ясному выражению мясисто-лоснящегося лица, вряд ли он был русским.

Не обращая внимания на Ивана, нагнувшегося к кусту за ягодой, мужчина спокойно уселся на место водителя и начал деловито копать в замке зажигания. Иван знал, что не сможет он завести его «жигуленка», который без ключа упорно не желал заводиться, Иван убедился в этом на своем опыте, когда никак не мог найти ключи, а ехать нужно было срочно. Но, все же поспешил к машине. Дело в том, что в отличие от замка зажигания замок багажника открывался от случайного прикосновения любым предметом. В багажнике у него лежало несколько тротиловых шашек, лишиться которых он не хотел. Мужчина даже не посмотрел на приближающегося Ивана. Он откручивал замок зажигания, рассчитывая, вероятно, соединить провода зажигания напрямую.

– Покататься решил? – спросил его Иван, открыв левую дверцу.

– Не-е, – помотал головой мужчина. – Мне машина нужна.

– Понял, – с демонстративной серьезностью кивнул в ответ Иван. – Понял, не дурак. Но ты знаешь, мне она тоже нужна.

– Если нужна – забирай, – легко согласился с Иваном мужчина.

Он посмотрел на Ивана своим наивно-ясным взглядом и вылез из машины.

– Карманы выверни, – сказал ему Иван.

– Зачем? – спросил тот, моргая на Ивана младенчески-чистыми глазами.

Но полез все же во внутренний карман своего грязного, затертого пиджака и протянул Ивану паспорт и водительские права. Иван открыл паспорт. Тот был выдан Свиридову Василию Георгиевичу. На фотографии – лицо Ивана. Свиридов – это был он.

– Что еще взял? – спросил Иван.

– Ничего, – равнодушно пожал тот плечами. – Ничего не взял.

– Ладно, – сказал Иван. – Пошли.

– Куда? – спросил мужчина, выражая готовность идти с Иваном куда угодно.

– Туда, откуда пришел, – ответил Иван, имея в виду нечто иное, чем придорожные кусты, из которых вылез неудавшийся похититель машины..

Иван не хотел его убивать, но выбора у него, собственно, не было. Мужчина мог заглянуть в паспорт или права и запомнить фамилию, под которой Иван сейчас существовал. Кроме того, Иван вспомнил, что, прежде, чем лезть в салон, этот простодушный грабитель заглянул в багажник. Видел он взрывчатку или не видел, теперь было уже безразлично. Судьба его была решена.

Иван хотел застрелить его в кустах смородины и уже наставил ствол пистолета на его затылок, но не выстрелил. Ему захотелось увидеть – какое выражение примет это невозмутимо-спокойное лицо под взглядом самой Смерти? Он тронул мужчину за плечо. Тот обернулся. Иван поднял пистолет, наставив его прямо в глаза, в которых рассчитывал увидеть ужас или хотя бы сильный страх. И – не увидел ничего. Глаза были по-прежнему безмятежно-спокойны, кристально-ясны и невозмутимы.

Иван выстрелил. Правый глаз мужчины превратился в кровавую дыру. Левый не утратил своего выражения. Мужчина медленно упал на бок, подвернув под себя правую руку, несколько раз дернулся и затих...

Вспомнив об этом сейчас в вагоне на сосновых досках, Иван снова, как и тогда, после выстрела в кустах смородины, поморщился...

Непривычное, давно забытое им саднящее чувство залило его грудь и заставило коротко простонать. За равномерным грохотом колес он не слышал своего стога, но его левая рука сама потянулась к груди и начала растирать ее, словно это могло облегчить ощущение какой-то тоскливой боли, поселившейся внутри. Мужчина, убитый им на шоссе, лежал точно в такой же позе, в какой лежала Надя, когда он видел ее в последний раз. И выражение ее глаз было таким же ясным и спокойным, отчего Ивану становилось еще тоскливее и еще больнее.

Таким было их расставание – в тот день, когда Иван покидал Москву. Иван, конечно, не сказал ей ничего определенного по поводу того, куда и зачем он должен ехать. Только – что уезжает. На две недели, а то и больше. Как получится. А Надя ничего у него не спрашивала, только смотрела в его глаза с напряженной готовностью сделать все так, как он хочет. С готовностью женщины принять все мужское. Будь то хоть половой член, хоть пуля, хоть удар ножом. От Ивана она примет все.

Иван с усилием поднял руку, коснулся ее щеки, провел пальцами по подбородку, не зная, как сказать ей что-то важное о себе, хотя и сам не знал – что именно. Он не понимал, почему не может просто молча уйти, забыв об этой женщине, случайно ворвавшейся в его жизнь в московском метро, ничего не требующей, ни на чем не настаивающей, ничего не просящей, ничего не предлагающей.

Уже два месяца Иван жил у нее, недалеко от Крымского вала, и ни разу за это время у него не возникло желание скрыться в своей «берлоге» на восемнадцатом этаже высотки на площади Восстания, где он обычно уединялся, прячась ото всех на свете, в том числе и от Крестного. Там на него вал за валом накатывала Чечня, и он вновь и вновь проживал один за другим дни плена, чеченского рабства, дни, в которых растворилась его душа как капля вина в стакане воды, оставив в полном его распоряжении только тренированное тело профессионального убийцы.

У Нади он забыл о Чечне, хотя не смог забыть о смерти, которая влетела в его жизнь чеченским черным вороном и свила гнездо в опустевшем Иване – прямо на холодном куске его обледеневшей, замороженной души. Иван очень мало говорил сам, больше слушал надины рассказы о себе, о матери-наркоманке, той самой, мучения которой он прекратил, легким движением забрав ее жизнь. Он вращал в психологические подробности быта надиной жизни и они становились для него подробностями его жизни, поскольку никаких других подробностей в его жизни не существовало. Кроме подробностей убийств, которые он совершал по заказам Крестного...

Надя подняла голову, уловив его желание погладить ей шею. Иван положил руку спереди ей на грудь, чувствуя себя непривычно неуклюжим и скованным. Он вдруг понял, что не только

женское тело, не только физиологический комфорт нужен ему от этой женщины, как это было со всеми женщинами, которых он помнил до нее в своей жизни. Ему нужна была ее по-собачьи беззаветная женская преданность, готовность принять его всегда и целиком, не оценивая и не рассуждая, что бы он ни сделал.

– Я вернусь к тебе, – сказал он, с трудом выговаривая непослушным языком какие-то странные для себя, непривычные слова.

Потом он сделал то, чего не мог объяснить себе и теперь, то, что его самого до сих пор удивляло и даже страшило настолько, что едва вспомнив, он тут же старался выбросить это из головы. Иван не то, чтобы понимал, он просто чувствовал, – начини он раскапывать внутри себя, начини искать ответ на этот вопрос, зашатается, ослабнет все его равнодушие к жизни, дающее ему силы, делающее его неуязвимым. Но как ни пытался он отвернуться от этого воспоминания, в памяти вновь и вновь всплывало это его движение – он наклоняется к Наде и целует ее в открытый, мгновенно покрывающийся испариной лоб.

Это для него была давно и прочно закрытая тема. Впервые после того, как он попал в Чечню, Иван поцеловал тогда женщину...

Состав слегка замедлил ход и Иван прислушался, но никакого, предвещающего крупную станцию и длительную остановку, оживления снаружи вагона не услышал. Он осторожно выглянул наружу.

Мимо проплывала обычная для небольшой станции картина – свалка железнодорожного металлолома, старые облезлые вагоны с выбитыми стеклами окон, кирпичные и деревянные постройки непонятного назначения – что-то вроде складов, огороды, обнесенные реденьким, неизвестно для чего поставленным заборчиком – все это было знакомо до зевоты, и не вызывало у Ивана никакого интереса. Его интересовало лишь одно – остановится состав или нет? Задержка никак не входила в его планы.

Приближение станционного здания, у которого, как издавлек разглядел Иван, толкались несколько человек, заставило его спрятаться вновь, так и не узнав, что это за станция. Правда, это не очень его и интересовало. До станции своего назначения, где его должен ждать отправленный им самим груз на его же имя, он явно еще не доехал, покидать гостеприимный вагон было еще рано.

Состав, судя по всему, останавливаться не собирался. Иван лег на одуряюще пахучие сосновые доски и постепенно вновь задремал. В голове крутились обрывки каких-то разговоров то с Крестным, то с Надей, всплывали картины последних двух месяцев его жизни в Москве. Жизни с Надей, с Надеждой...

«А, ведь, я и впрямь на что-то надеялся, – подумал Иван. – И это странно. На что мог надеяться я, убивавший своих друзей, забывший свою жизнь и понявший вкус собственной смерти?»

Он вспомнил удивительное, непривычное чувство безопасности, которое первым проникло в его сознание, когда он просыпался рядом с прижавшейся к нему во сне женщиной. Он никогда после Чечни не чувствовал себя в безопасности, ни на один миг не забывал, что где-то рядом с ним кружит смерть – его и тех людей, которые встречаются на его пути. Чечня забрала его душевное равновесие, его внутреннее спокойствие, дав взамен – безразличие к боли и страданию, ироничное, недоверчивое отношение ко всему живому, способному предать и убить, и уважение к неживому – надежному и постоянному в своей неподвижности – к камням, металлу, оружию, к земле, по которой он ходил и воде, в которой приходилось ему плавать.

Рядом с этой женщиной он забыл о смерти и, поняв это сейчас, впервые после Чечни испугался. Испугался, что не узнает свою смерть, когда она придет, чтобы увидеться с ним еще раз. Иван понял, что он не хочет умереть, можно даже сказать – он боится умереть.

Ему опять стало нехорошо – от этой мысли. Он без малейшего колебания вступил бы сейчас в бой с любым противником, и победил бы его с прежней уверенностью, не задумываясь – зачем это ему нужно. Противник должен быть побежден только потому уже, что он – противник, что он хочет победить тебя, забрать твою жизнь. Но забрать жизнь Ивана имела право только Смерть, с которой у него были свои очень личные отношения. Смерть была почти существом из плоти и крови, существом, которое питалось человеческими жизнями и которое Иван кормил ими регулярно, считая это не только своей обязанностью, но почти – священным долгом. А чтобы подойти к нему близко, кормить из рук, нужно было не иметь страха перед ним. И Иван не боялся умереть, он верил, что смерть сама определит момент, когда забрать его к себе. А сегодня – впервые испугался...

Иван с удивлением прислушивался к себе, лежа на широких сосновых досках и покачиваясь вместе с вагоном на стыках рельс.

«Чего же я боюсь? – думал он, и этот вопрос казался ему самым важным сейчас, важнее самого Задания, которое он выполнял. – Почему я боюсь?»

Он вспомнил, как Надя упала после того как он поцеловал ее в лоб – на правый бок, подвернув под себя правую руку. Казалось, она потеряла сознание, но глаза ее были открыты и она смотрела на Ивана удивительно спокойным и ясным взглядом, принимая его решение, не ропща и не возражая – раз он сказал, что ему надо идти, значит... Значит она будет ждать его. Только вот ноги, почему-то, подкосились, и не хватало сил поднять руку, вообще – пошевелиться. Надя безусловно верила в его слова. Конечно, он вернется – он сказал, что вернется. Но от того, что она в это верила, не было никакой радости, только хотелось плакать, зарыться куда-нибудь с головой, спрятаться, скрыться и застыть там в бесконечном ожидании.

Надя знала, что он вернется. Но ее сознание черной пеленой заливала мысль о том, что она его больше не увидит. Никогда...

Иван мучался, пытаясь осознать свой непонятный страх, и что-то вроде ответа туманно плавало в его голове, не входя до конца в сознание и дразня своей близостью. Но Иван всячески отталкивал этот приближающийся к нему ответ на свой вопрос, уворачивался от него и искал объяснения в трусости, в усталости, в болезни, слабости, в собственной ничтожности, наконец... Пока не понял – он постоянно убегает от прямого ответа, который все объясняет, но объяснение это не приносит облегчения.

Он даже открыл глаза и рывком сел на досках, схватившись за свои ноги, чтобы сохранить равновесие. Ответ встал перед ним со всей неожиданностью горного хребта, в первые отроги которого упираешься как в стену, хотя перед этим он неделю маячил у тебя перед глазами на горизонте, с каждым днем увеличиваясь по мере приближения к нему.

Он, Иван Марьев, – «Отмороженный», «Гладиатор», «Чеченский Волк» – боялся умереть, и никогда больше не увидит женщину по имени Надежда...

И еще одно чувство всплывало изнутри Ивана, сопровождая чувство страха, находясь с ним в какой-то непонятной, но тревожной неразрывной связи. Чувство недоверия к Крестному...

До самого Алатыря Иван ни одной минуты не провел уже спокойно. Ему просто на месте не сиделось, состав, казалось, еле ползет, время не движется. Он то и дело смотрел на часы, и с удивлением обнаруживал каждый раз, что прошло не больше пяти минут.

То он начинал отчетливо слышать, как стук колес становится все реже и реже. Он был уверен, что состав останавливается. Иван выглядывал из своего укрытия и с удивлением отмечал, что деревья вдоль железнодорожного полотна проносятся мимо все с той же ничуть не уменьшившейся скоростью. Он опять сползал на свои доски и, уткнувшись в них лицом, пытался отвлечься от раздравшего его грудь и голову ощущения раздвоенности, раздробленности. Он чувствовал труднопреодолимую потребность быть рядом с Надей, прижимать к себе ее тело и погружаться в ставшее привычным уже для него чувство покоя и безопасности. В

то же время, он стремился вперед, он как бы бежал впереди состава, торопя время, торопя тепловоз, он спешил выполнить то, что ему поручили, то, о чем ему говорил Крестный.

Сам Крестный был еще одним центром притяжения для Ивана, который впервые почувствовал, что этот человек имеет над ним какую-то власть. И это было настолько неожиданно, что просто выбивало из равновесия, необходимого для нормальной работы. Иван признавал после Чечни только одну власть над собой – свою собственную. Да, он выполнял для Крестного какие-то поручения, он убивал людей, которых называл ему Крестный, получал от него за это деньги, но всегда Иван сам принимал решение – соглашаться ему на очередное предложение Крестного или нет.

Правда, если быть честным перед самим собой, – Иван ни разу не отказался от того, что предлагал Крестный... Но тогда было ощущение независимости от Крестного и ото всего остального мира. А сейчас Иван ясно осознавал, что не может просто так, легко освободиться от Крестного, проститься с ним, как он всегда прощался с людьми – молча, не говоря ни слова, уйти и больше не появляться в их поле зрения никогда. Он не мог покинуть Крестного, так же, как не мог покинуть и Надю.

Иван вдруг с ужасом для себя понял, что в его жизни появились два близких человека – женщина, по имени Надя, и старик, к которому он относился как к любимому и ненавистному отцу – Крестный...

Иван не стал дожидаться, когда состав доползет до товарной станции, на которой железнодорожников как правило слишком много, чтобы ему остаться незамеченным, и выбравшись из своего соснового «купе», прыгнул, едва показались первые признаки приближения крупной станции и состав начал замедлять ход.

Стоило ему покинуть замкнутое с четырех сторон пространство вагона и перейти от неподвижности к действию, как внутренние его мучения кончились. Едва затеплившиеся в нем искры чувств, похожих на душевные, были еще слишком слабы, чтобы овладеть им целиком. Бессознательные моторные реакции мощно вступили в действие, управляя телом Ивана, двигая его вперед, к цели, как было уже сотни раз, и сотни раз так достигалась победа. Все его сомнения утонули в необходимости действовать, оценивать свои действия, принимать информацию, анализировать ее, вырабатывать решение и осуществлять его. Иван действовал как машина, запрограммированная на достижение цели и двигался к этой цели, не рассуждая, не задумываясь.

Ему необходимо было достать машину, это входило обязательным условием в его план. Поэтому, он не стал сразу входить в город, а прежде всего разыскал асфальтовую дорогу, по которой, по его оценке, хоть раз в час, но должна была проехать хоть одна машина.

Дорога шла по лесу, который местами почти смыкался над ней сплошной зеленой аркой. Дождей в этих местах не было уже около месяца и там, где деревья стояли чуть свободней, где их не спасала общая тень от высасывающего соки августовского солнца, кроны их подвяли, верхние листья высохли и свернулись под лучами солнца. Тени от них почти не было, духота прогретого летнего леса охватывала сразу же под их увядшими кронами, толкала к густым зарослям, соблазнительно тенистым и, по крайней мере на первый взгляд, прохладным. В густом лесу и впрямь было не так жарко и даже как-то мрачно-холодно.

Иван таких мест избегал, чтобы не вызывать у водителей лишних подозрений на свой счет. Он поджидал свое будущее средство передвижения на свободном от деревьев участке асфальта.

Солнце уже палило немилосердно, хотя до полдня было еще далеко, вокруг стояла странная для привыкшего к нервному московскому шуму уха Ивана спокойная тишина, нарушаемая всякого рода жужжаньем, стрекотаньем, птичьими криками и... – Иван сразу же насторожился – приближающимся издали шумом мотора.

«Хотелось бы, чтобы было поменьше шума, – подумал Иван, – но времени нет. Придется действовать быстро и эффективно...»

Иван взял пистолет в левую руку и, уперев ее в поясницу, спрятал его за спиной, а с поднятой правой слегка выступил на асфальт. Машина, уже появившаяся из-за зеленого поворота, оказалась восьмеркой «жигулей», за рулем сидел плотный широкоскулый мужчина, рядом с ним – женщина крестьянского вида, не смотря на жару – в платке и каком-то темном пиджаке.

Машина шла со скоростью километров сорок, не больше – из-за частых поворотов и ограниченной видимости на лесной дороге, и Ивана нисколько не заботило, остановится она по его просьбе или нет. При той позиции, которую он выбрал, водителя «жигулей» и его пассажирку уже можно было считать покойниками. У них было всего два шанса из ста – что Иван промахнется.

Водитель решил не реагировать на поднятую Иваном руку и не снижать скорость. Возможно, он куда-то спешил со своей спутницей, или вид Ивана не внушил ему доверия, но, как бы там ни было, в последние секунды своей жизни он не смотрел на Ивана, он смотрел на дорогу. Спутница его тоже глядела вперед, не обращая внимания на человека у дороги, которому суждено было забрать ее жизнь.

«Человек смертен, но беда в том, что он внезапно смертен... – пронеслась в голове Ивана одна из его любимых поговорок, пока машина только приближалась и еще не поравнялась с ним. – Особенно, если у него есть то, без чего я не могу обойтись».

Когда открытое окно «жигулей» поравнялось с Иваном, он спокойно, как на стрельбище, вскинул левую руку и сделал два выстрела подряд. Машина сразу же завалилась, потеряла ход, видимо, нога убитого водителя соскочила с педали газа, и, «жигули», съехав с дороги, уткнулись в кусты метрах в тридцати от Ивана.

Не торопясь подойдя к ней, Иван выключил мотор, открыл дверки и выволок трупы в лес, метров на десять от дороги. Затем осмотрел багажник, в котором кроме обычной шоферской ерунды, лежал мешок с семенами подсолнечника и несколько пустых стеклянных трехлитровых банок. Мешок с банками Иван выбросил в кусты. Туда же отправилась и старая сумка из кожаменителя со сломанной молнией, набитая каким-то барахлом. В бардачке он нашел замызганные водительские права и бутылку дешевой водки вместе с грязным стаканом. Права он швырнул в зеленые заросли, не поинтересовавшись именем убитого им человека, а водку на всякий случай оставил, вдруг пригодится.

Через минуту он уже ехал по той же дороге в том же направлении – к городу. Только скорость у него была повыше километров на двадцать пять-тридцать.

Проехав указатель «Алатырь» и КП ГАИ, на котором в своем «курытнике» дремал милиционер, не повернувший головы в его сторону, Иван минут десять покружил по улицам, застроенным в основном двухэтажными кирпичными и одноэтажными деревянными домами, и нашел, наконец, станцию, рядом с которой, как и полагается, оказалось багажное отделение. Иван остановил машину в тени широко разросшейся липы недалеко от станции, и без особых проблем получил груз на имя Свиридова Василия Георгиевича – довольно большой деревянный ящик чуть больше метра длиной. Какая-то визгливая тетка с т прилипшим к стулу задом, покричала на него, возмущаясь, почему на посылке указан не точный адрес, почему прописка у него московская, почему не оплачены еще одни сутки хранения, хотя Иван знал, что посылка никак не могла пролежать на станции больше нескольких часов, и тому подобные глупости. Но посылку, все же выдала. Иван посожалел мимоходом, что обстановка не позволяет всадить ей пулю в лоб. А то бы – с удовольствием.

Бросив посылку в багажник, Иван выехал из города в восточном направлении, перекусив на окраине в облезлой грязной забегаловке каким-то «шартаном», как его назвала буфетчица, оказавшимся странного вида колбасой неправильной формы, начиненной мясом и салом.

Иван пересек по городскому мосту Суру, отъехал от Алатыря километров десять по лесной грунтовке, затем свернул в лес, и, уйдя из зоны прямой видимости с дороги, остановился, чтобы распаковать посылку. Он вскрыл монтировкой ящик, достал лежащие сверху «верстовки» – подробные мелкомасштабные карты всех нужных ему районов Среднего Поволжья, быстро сориентировался и с удовлетворением отметил, что дорога, на которой он находился, именно та, которая ему нужна – она выходила на шоссе Ульяновск-Казань. Дорога малопроезжая, полузаброшенная, проходящая вплоть до самого шоссе по сплошному лесному массиву. Словом именно та, которую они с Крестным и наметили еще в Москве, как наиболее подходящую для их цели.

На то, чтобы достать из ящика и смонтировать небольшой ранцевый огнемет армейского типа, Ивану потребовалось минут пять. С таким огнеметом он имел дело в Чечне, изучил его подробно. Ему не раз приходилось пускать его в дело в чеченских аулах, когда из каждого темного угла на него кидались чеченские пацаны с кинжалами в зубах, а то и с голыми руками, пытаясь убить его за то, что он сжигал их дома. Иван всегда нажимал гашетку огнемета раньше, чем эти сопляки приближались на расстояние ножевого удара. Затем он просто смотрел, как живой огненный клубок катится по земле, иногда выбрасывая в стороны горящие руки и ноги, словно щупальца, вновь вбирая их в себя, натывается на стены и затихает возле них, поджигая собой дом.

Иногда Ивану приходилось спешно уступать дорогу этим огненным «колобкам», которые мчались прямо на него, явно рассчитывая вцепиться в него и сжечь вместе с собой. Иногда это им почти удавалось, и только благодаря своей мгновенной реакции Иван успевал отскочить в сторону, а огненная фигура пролетала мимо, обдав Ивана волной жара. Нет, запаха горелого мяса он никогда не чувствовал в эти моменты, пахнуть они начинали позже, когда прогорали, и лежали почерневшими обугленными бесформенными кусками. Вот тогда от них сразу же начинал идти очень неприятный резкий запах, чем-то сильно напоминающий вонь от паленой шерсти и горячей резины одновременно.

Иван достал сигареты и закурил, чтобы успокоить вдруг появившуюся дрожь в руках. Это был не страх, не нервы, это было физиологическое воспоминание самого тела об одном из самых сложных гладиаторских боев, на который Ивана выставили его чеченские хозяева против молоденького российского солдата, неумелого и наивного в науке смерти. Если бы он не был вооружен, Иван убил бы его мимоходом, едва шевельнув рукой. Он, Иван, по кличке Гладиатор, был тогда очень популярен а горной Чечне среди азартных любителей жестоких человеческих боев. О нем ходила слава непобедимого, убивающего любого, кого выставляли против него. Хозяин даже не очень рад был, что Ивану нет равных по силе бойцов в горных чеченских аулах.

Иногда против него выходил и кто-то из чеченцев, поставив, предварительно на себя огромную сумму – иногда такие вещи проходили в чеченских гладиаторских боях и рискующий своей жизнью получал целое состояние, если ставки были сделаны достаточно удачно. И если оставался в живых, конечно. Иван убил всех, кто вставал против него в нешироком гладиаторском кругу, отбив охоту у многих попытать счастья в схватке с ним.

Заработки чеченца, владевшего Иваном, подскокившие поначалу невероятно, резко упали, как только разнесся слух о непобедимости русского Гладиатора. Никто не хотел рисковать – ни своей жизнью, ни своими деньгами. Хозяин хватался за голову, придумывая все новые и новые варианты, как уравнивать шансы Ивана и его соперников.

Теперь Иван уже не дрался с невооруженными противниками. Схваток вновь стало много – его хозяин разрешил выходить против Ивана с оружием. И взвинтил, одновременно, ставки. Это многим придало смелости. Смелости не драться с Иваном самому, а выставлять против него своего бойца, рисковать своей собственностью.

Бойцов вооружали ножами, арматурой, саперными лопатками, вилами, короткими ломиками, вроде монтировки, цепями, сетями, косами – безоружный Иван убил их всех, одного за другим. Он появлялся на их пути, как божья кара, и отпускал их души, сам оставаясь в живых, страдая от каждого нового убийства все меньше и меньше, привыкая к ним и даже ощущая труднопреодолимую потребность в том, чтобы ежедневно забирать чью-то жизнь.

Волна ажиотажа вокруг Ивана спала вновь. Тогда его хозяин придумал новый ход. Он сам купил еще одного раба – первого, что под руку попался, лишь бы подешевле, – вооружил его огнеметом и через подставного послал сам себе вызов. «Огнеметчик» вызывал «Гладиатора» и нагло заявлял, что спалит его дотла. Иван выставялся на бой как всегда – с голыми руками, без всякого оружия. Правда, про его руки ходило мнение, что они сами по себе – холодное оружие. Но так ведь – холодное, все-таки, не огнестрельное, не огнемет же.

Поэтому ставки делались, в основном, на его соперника. Причем, ставки большие, даже – очень большие. Лишь хозяин, да один-два поклонника-фаната, поставили на Ивана. Чтобы сорвать побольше денег, хозяин устроил бой не у себя в районе, в вывоз Ивана севернее, в предгорья, где о нем слышали мало, куда не долетела еще молва о непобедимой машине смерти – Иване-Гладиаторе.

Хозяин был настолько уверен в его победе, что взял с собой объемистый брезентовый мешок для денег, долларовые купюры ходили по Чечне разного достоинства, ставки порой делались мелочью – пачками пяти-, десяти-, двадцатидолларовых бумажек, мятых, засаленных, но настоящих, погулявших уже по стране. Фальшивомонетчиков в Чечне не любили, и расстреливали на месте сразу же, едва убедившись, что деньги не настоящие. И хотя проверить подлинность купюр редко кто мог, фальшивые доллары по самой Чечне почти не ходили, а все сплавлялись в Россию.

Можно было расплачиваться и рублями, но не везде. Среди любителей человеческих боев российские деньги считались дурным тоном, принимались на кон по курсу, гораздо ниже того, по которому обменивались в других местах. А часто и вообще не принимались. В гладиаторских боях твердой валютой был доллар. Или оружие, которое тоже принималось на кон – как огнестрельное, так и холодное, которое обязательно должно было быть старинным, изготовленным в Чечне, древним местным мастером.

...И в том бою Иван победил своего соперника, несмотря на его огневое вооружение. Но тот бой был наполнен огнем, болью обожженной кожи и запахом горелого мяса. Иван не любил его вспоминать, и чаще всего ему удавалось отогнать от себя навязчивую картину — горящего человека, бегущего прямо на него с раскрытыми руками, чтобы обнять и утащить с собой в пламя и смерть...

С тех пор при воспоминании об огне у него дрожали руки, что, впрочем, не мешало ему убивать своих противников – ни тогда, в Чечне, ни сейчас, – в Москве, в России.

Пережив все это еще раз, Иван успокоился. Дрожь в руках прошла. Он швырнул окурки в лес. Затем достал из ящика несколько комплектов документов на разные имена и рассовал их по карманам. Он вынул из бардачка паспорт и водительские права на имя Василия Георгиевича Свиридова и бросил их в кусты. Свиридов свою миссию выполнил и больше Ивану был не нужен. В кусты отправился и ненужный уже пустой ящик.

Иван оглядел окружающие его деревья и остался ими доволен. Августовский лес был достаточно сух, чтобы выполнить ту миссию, которую отвел ему Крестный в своем плане. Своей первой целью Иван выбрал отдельно стоящий высокий и, судя по всему, очень старый дуб, широко раскинувший свои толстые ветви, которыми он как бы раздвигал окружающую его более молодую поросль. Направленный Иваном в самый его центр огненный шар легко пробил редкую крону и ударившись в неохватный дубовый ствол, растекся по ветвям. Огонь поднялся по тонким веткам вверх и разлился по верхним листьям, превратив дуб в огромный костер.

Теперь медлить было уже нельзя. Иван сбросил огнемёт в багажник и не закрывая его, проехал с километр по лесной дороге. Он остановился там, где деревья срослись над дорогой, образовав сплошную зеленую крышу. Широким фронтом полив огнем нижние ветви деревьев позади машины, Иван с удовлетворением отметил, как занялись стволы молодых дубков, подпирающих свод зеленой крыши. Еще один лесной костер был зажжен. Сразу стало жарко и дымно в этом еще секунду назад прохладном лесном тоннеле.

Иван сделал еще десять остановок через каждые километр-полтора. За его спиной пылал огромный фронтальный лесной пожар, растянувшийся на расстояние более десяти километров. Легкий южный ветерок раздувал верховой пожар, быстро продвигая его на север, а уже вслед за ним стена огня шла по низу, сжигая все горизонтальные ветви и оставляя после себя лишь дымящиеся черные столбы стволов.

Теперь Ивану осталось только избавиться от огнемёта, утопив его в первой попавшейся лесной речушке и как можно скорее гнать к шоссе Казань-Ульяновск.

Следующая его цель лежала на берегу Волги, как раз в тех местах, где прошло детство Крестного. Но Иван этого, конечно, не знал, ему было совершенно безразлично – что взрывать, что поджигать, кого убивать. Он действовал бессознательно, не рассуждая, а выполняя данное ему Задание. Он был сейчас не человек, а машина убийства.

Глава третья.

Генерал-лейтенант ФСБ Никитин узнал о взрыве на газопроводе Саранск-Нижний через пятнадцать минут после того, как он прогремел. Последнее время, с наступлением жары, он предпочитал работать по ночам, отсыпаясь днем, и сигнал срочного вызова лишь отвлек его от размышлений, а не поднял с постели.

Взрывы звучали в России регулярно и не вызывали у него ни чувства опасности, ни даже озабоченности. Все, построенное в советское время, дряхло, морально устаревало, ломалось, рвалось, ржавело, проваливалось и, конечно же, в результате – чаще всего взрывалось. Все это лишь раздражало, поскольку свидетельствовало о дряхлости государства и больше ни о чем. Ни об иностранных шпионах-диверсантах, ни о внутренних диссидентах-террористах, ни о националистических бунтах. Просто лишенная полноценного финансового кровообращения Россия разваливалась и это было скучно, не вызывало в Никитине того азарта, который возникал у него при столкновении с противником.

Сообщение оперативной информационной службы прозвучало очень некстати, поскольку отвлекло Никитина от напряженных размышлений о том, кого из своих людей поставить во главе объединенной Замоскворецкой преступной группировки, которая должна будет контролировать треть территории Москвы, ограниченной кольцевой дорогой..

После долгих, мучительных размышлений о том, как наиболее эффективно организовать сосуществование своей службы с криминальным миром, Никитин пришел к выводу, что криминалитету нужно предоставить право на самоуправление. Создать для бандитов видимость самостоятельности, одновременно зажав их в тисках жестких правил, устанавливаемых которые будет ФСБ. То есть он сам, Никитин. А он даст им просрать. Он им такие «налоги» на преступления наложит, что к каждому делу готовиться будут, как к главному экзамену своей жизни! И жертв будут выбирать – только из числа самых богатых людей России...

Никитин при этом хорошо понимал сложность воплощения в жизнь своего плана. Криминалитет будет жестоко сопротивляться, поскольку сразу учует, чем дело пахнет. Поэтому он и хотел поставить во главе московских группировок своих людей. Немало его оперативников работали нелегально в составе почти всех ОПГ, контролирующих Москву. А чтобы облегчить управление криминальным миром, Никитин решил его перестроить. Объединить все московские группировки в три больших группы по территориальному принципу. Замоскворецкой будет принадлежать правобережье Москвы-реки. Восточной – восточное междуречье Москвы-реки и Яузы, Западной – западное междуречье. Естественные границы районов Никитин считал самыми оптимальными – словно сама природа разделяла Москву между людьми единственно возможным образом.

Районы получались огромные, сложные для оперативного управления, требующие разветвленных инфраструктур и постоянного контроля. Кадровый вопрос приобретал в таких условиях чрезвычайно важное значение. И Никитин не первую неделю перебирал своих людей, перетасовывал их так и этак, ища оптимальное решение. Задача была не из легких, поскольку идеальных кандидатов у него не было, каждый обладал как рядом несомненных достоинств, так и существенными недостатками. Из пятнадцати кандидатов, представленных ему руководителем аналитического отдела и командиром спецотряда «Белая стрела», Никитин выбрал четверых, и никак не мог решить окончательно – на ком из них остановить свой выбор. Собственно говоря, для Восточной и Западной территории он лидеров уже сумел подобрать.

Востоком будет руководить старший лейтенант Егор Быковец, умный и жесткий, хотя несколько как-то по-деревенски простоватый, не умеющий разыгрывать сложные роли и ситуации. Но на первых порах, когда нужно принимать не столько умные, сколько волевые решения, именно такой и нужен. Подумает за него Никитин сам, главное точно выполнить то реше-

ние, которое будет принято. Неважно кем – им самим или Никитиным. А одно из главных качеств Быковца – поразительное упорство к достижению своей цели, граничащее с бараньем упрямством... Словно он всеми силами свою фамилию пытался оправдать. И оправдывал.

Запад генерал Никитин решил доверить своему однофамильцу старшему лейтенанту Владимиру Никитину, внешне совершенно не похожому ни на бандита, ни на работника силового ведомства. Он скорее напоминал кого-то из гоголевских малороссийских повестей – какого-нибудь Панька Рудого из диканьского хутора. Толстый, рыжий, с характерными казацкими усами, на первый взгляд неповоротливый и медлительно-ленивый... Но даже те, кто знал его хорошо порой поражались быстроте его мысли и скорости реакции. Он прошел спецподготовку самого высокого уровня и был завербован ФСБ еще в спецлагере. Собирал информацию на преподавательско-командный состав и еженедельно передавал ее в окружное управление ФСБ. Впрочем, в спецлагерях ФСБ половина курсантов стучала на преподавателей, а вторая половина – стучала на первую. Но это в данном случае не имело никакого значения. Решения старлей Никитин всегда принимал продуманные, наиболее оптимальные, и всегда следил, чтобы они воплотились в жизнь, эти его решения. Еще одним его существенным недостатком была склонность к алкоголю и бабам. Он порой напивался до совершенно бесчувственного состояния, но, сколько его ни проверяли, когда он был пьян в стельку, ни разу не сказал ничего лишнего. И с бабами то же самое – молчал как рыба...

А вот с Замоскворецким районом он никак не мог разобраться. С одинаковыми шансами на успех или неудачу он мог назначить туда и вечно мрачного сорокапятилетнего капитана Василия Аверина, и не менее мрачного, угрюмого шкафоподобного громилу лейтенанта Сергея Князева, который был моложе ровно на двадцать лет. И тот, и другой равно могли бы справиться с заданием. Оставалось только решить, какой из недостатков предпочтительнее: капитан Аверин был абсолютным и принципиальным трезвенником, что отнюдь не добавляло ему авторитета в среде, в которой он вращался; а у лейтенанта Князева главный недостаток заключался не в его молодости, а в проистекающем из нее небольшом объеме ликвидационной практики – на его лично счету было пока еще маловато человеческих жизней.

Вот от этого кадрового ребуса и отвлекло генерала Никитина ночное сообщение о взрыве станции хранения газа в Мордовии.

«Опять какой-то пидор напоролся и нажал спяну не на те кнопки! – подумал Никитин. – Только время тратить на эту хренотень всегда приходится. То самолет упадет! То завод взорвется! То электрички друг в друга въедутся! А я должен псов своих посылать – нюхать, нет ли диверсии. А то и самому придется ехать, смотря, сколько жертв... Что-то об этом слишком скромно в сообщении – „число жертв устанавливается“ Нет, пошли все они в жопу, если больше сотни – пошлю Герасимова, если меньше – пусть местные копают, Герасимов мне и здесь нужен...»

В этот момент в его кабинет пошел сам Герасимов, вынужденный работать ночью не потому, что предпочитал спать днем, а потому, что дня ему не хватило, чтобы выполнить срочное задание Никитина – просчитать возможный средний уровень преступности в Москве при «налогах», дающих ФСБ суммарную прибыль в миллион долларов. Не так уж это много, нужно, кстати, подумать, не повысит ли общий уровень суммарного налогообложения. Ведь не одному же Никитину идет вся эта сумма. Человек десять наберется из ближайших его «соратников», кто хлебает из этой кормушки. Можно и повысить, главное – какой прогноз аналитическая служба во главе с Герасимовым выдаст.

– Ну что, Гена, прикинул хрен к носу? – Никитин встретил ночного «визитера» вопросом. – И что же у нас там вырисовывается? Как мы будем выглядеть в глазах общественности? Герасимов покачал головой. Вид у него был что-то слишком уж озабоченный.

– Об этом доложить пока еще не готов.

– Какого ж тогда хрена ты ко мне в кабинет ночью врываешься?

Никитин уже начинал злиться. Все его этой ночью отвлекали. Но Герасимов знал его не первый год, чтобы его эта злость смутила. Да и не чай же пить он в конце концов пришел.

– Вот когда сяду на твое место, тогда буду сам решения принимать. А пока обязан доложить. О чрезвычайном происшествии.

– Что там еще? – недовольно и устало буркнул в ответ Никитин.

– О газопроводе тебе сообщили? – уточнил к него Герасимов.

– Ну, – нетерпеливо подтвердил генерал. – Что там? Китайские террористы, татарские экстремисты или диверсанты из ЦРУ, как в старые добрые времена. Готов поцеловать тебя в задницу, если взрыв произошел не по вине пьяного диспетчера-оператора или забулдыги слесаря, открывшего не ту гайку не в том месте...

Герасимов хмыкнул.

– Я бы снял штаны, к твоему удовольствию, да боюсь, мне это будет неинтересно. У меня традиционная сексуальная ориентация.

Никитин сразу насторожился. Герасимов обычно зря не болтает.

– Чуть раньше, – продолжал тот, – по каналам «Белой стрелы» пришло сообщение. За четыре часа до взрыва на месте взрыва произошла стычка отряда местных омоновцев с каким-то бандитом на автомобильной дороге, идущей параллельно газопроводу...

– А ты это что же, – перебил его Никитин, – каналы информации у Коробова контролируешь? У «Белой стрелы»? И давно?

– Готов поцеловать тебя в задницу, если ты об этом первый раз слышишь, – Герасимов уверенно и спокойно смотрел Никитину прямо в глаза.

Генерал усмехнулся.

– Обойдусь. У меня с ориентацией тоже все в порядке... А где же сам Коробов? Почему он свою информацию не докладывает?

Герасимов демонстративно взглянул на часы, улыбнулся иронически. О Коробове он вообще без иронии говорить не умел.

– Так времени-то... Четыре утра. Жену, наверное, ебет...

– Ну, это вряд ли, чаще она его ебет. Дрыхнет, скорее всего. Ладно, хрен с ним, раз ты сам в курсе его дел. Подробности есть?

– Взвод саранского омона, в составе двадцати рядовых и сержанта-командира взвода, возвращался с планового дежурства на трассе Саранск-Нижний. У них там сейчас проходит месячник по борьбе с рэкетом на дорогах. Возвращались пустые и потому – злые. На автобусной остановке рядом со станцией подземного хранения газа обнаружили трупы двух местных парней и девушки. Свежие трупы, убили их всего несколько минут назад. В зоне видимости находилась только одна машина – «жигули» с московским номером. Больше народу никого не было, время-то – за полночь. К «жигулям» как раз подходил мужчина лет тридцати, явно не местный. Сержанту показалось даже, что он вооружен. После того, как ему приказали остановиться, он бросился к машине и прыгнул за руль. Ну они и врезали по колесам с пяти стволов... А вот дальше – самое интересное. Мужик этот, из «жигулей», побежал к лесу. Причем очень быстро, я бы сказал – профессионально, хотя сам при этом и не присутствовал. И на бегу, практически не оборачиваясь, тремя выстрелами убил троих, причем первым – сержанта... То есть – еще более профессионально. А через четыре часа станция взлетела на воздух...

Генерал Никитин слушал Герасимова уже очень и очень внимательно.

– Взять его, конечно, не удалось? – спросил он таким тоном, что можно было и не отвечать. Он и так знал, что ответ отрицательный.

– Они оставили двух человек с машинами и трупами, а сами бросились за ним в лес... Понятно, таким колхозом догнать его было нельзя. Они потеряли его в лесу. Вероятно, он ушел в восточном направлении, потому, что усиленные посты милиции и омона на всем протяжении

трассы, так никого, даже отдаленно похожего, и не видели. Машина сгорела, в ней ничего не обнаружено.

– Они его хотя бы разглядели? – спросил Никитин очень заинтересованно.

– Я понял, что – нет, – ответил Герасимов. – Все, что они сообщают – стандарты, под них пол-Москвы подойдет. Никаких особых примет.

– Номер машины проверил? – Никитин спрашивал нетерпеливо-требовательно.

– Раньше утра сделать это не удастся, – с сожалением ответил Герасимов.

Никитин помолчал, поскреб себе давно небритый подбородок. Герасимов тоже молчал. Он должен был молчать, решение было за Никитиным.

– Интересная складывается у нас картина, – сказал наконец тот, – Знать бы еще имя талантливого художника, что ее нарисовал... Вряд ли это могло быть случайное совпадение, вряд ли...

Никитин посмотрел на своего заместителя с неожиданным нетерпением.

– Есть у тебя предложения?

– Проверим машину, по номеру установим владельца. Только, вряд ли это что-то нам даст. Профессионалы, как правило, так не светятся... Работают тоньше. Ну, что еще? Проверим все, что там восточнее станции, в той стороне, куда он ушел.

– А что там вообще такое? – спросил Никитин, выглядевший встревоженным.

– Вообще, – там глухомань, – ответил Герасимов, – леса сплошные. Что ему там делать? Скорее всего – к Саранску будет пробиваться. Там километров сорок-пятьдесят, не больше...

– Ладно, – решил, наконец, Никитин. – Делай как знаешь, что тебя учить... Мне докладывай обо всех новостях. В любое время. По оперативке. Информации пока маловато у тебя, чтобы что-нибудь понять...

«Информации ему маловато, – ворчал про себя Герасимов, выходя в коридор от Никитина. – Вывод, тоже мне, сделал... Мыслитель хренов...»

Он злился, потому, что Никитин был прав – информации было маловато, ее было просто – мало. А ему предстояла трудная задача – искать иголку в стогу сена. Или в хвойном лесу. Но тогда и иголка становится хвойной. Словом – не из легких задачка...

В своем кабинете Герасимов покопался в картах, уже доставленных по его заказу, рассмотрел, что там было восточнее станции. Ничего там не было интересного. Лес, река, какая-то третьестепенная железнодорожная ветка, и снова – лес. Просто-таки – ни хера там не было. Абсолютно нечего там было делать никакому террористу, если, конечно, он не собирался одичать и стать каким-нибудь «мордовским Тарзаном». Или лешим, на худой конец.

Герасимов посмотрел на часы.

«Два часа сплю, потом звоню в ГАИ, – решил он. – Хотя толку из этого никакого не будет... Ждать надо. Если он и впрямь – террорист, он на этом не успокоится. Еще где-нибудь обязательно нарисует... Взорвет что-нибудь... Или подстрелит...»

Последние фразы уже с трудом пробивались сквозь навалившийся на него сон...

... Через два часа он проснулся как от сигнала будильника – способность, выработавшаяся за многие годы службы в условиях постоянного дефицита времени. Зевая, сделал запрос в ГАИ. Ему буквально секунд через двадцать сообщили имя владельца машины, адрес, по которому он зарегистрирован в Москве.

Он вызвал дежурного офицера оперативной службы, сообщил ему полученные сведения, дал задание собрать информацию о владельце машины. Любую информацию, какую только можно собрать в Москве о москвиче.

Ответ из оперативки он получил только часов через пять, уже в середине дня, когда Никитин, как всем было известно, обычно уже давно спал, и это вызвало у Герасимова злорадную саркастическую усмешку.

Он нажал кнопку вызова и мысленно скомандовал: «Подъем, товарищ генерал! Хватит дрыхнуть...»

– Ну! – хриплым спросонья, злым голосом ответил Никитин.

– Ты на меня не ори, – сразу сказал Герасимов, – сам просил докладывать...

– Я тебя об этом не просил. Я тебе приказал, – злился Никитин. – И давай-ка – докладывай по форме... Звание мое не забыл?

«Говнюк! – обиженно подумал Герасимов. – Генерал ебанный!»

– Так точно, товарищ генерал! – произнес он в слух. – По вашему приказанию докладываю. Полученные из Госавтоинспекции сведения о владельце машины, обнаруженной в Мордовии, проверены в оперативном порядке. Установлено, что Свиридов Василий Георгиевич, 1968 года рождения, уроженец Москвы, занимавшийся частным извозом, выехал из своей квартиры на Страстном бульваре более года назад, с регистрации не снимался, в других районах не регистрировался. За это время у него истек срок лицензии, но продлевать ее он не явился, несмотря на письменное предупреждение налогового инспектора. В поликлинику по месту жительства не обращался. В двадцать шестую районную библиотеку он должен книгу – Стивен Кинг «Горящая зона» – взятую больше года назад. На открытки с напоминаниями, посылаемые библиотекой, не реагировал. В вытрезвителе за последний год не бывал. В московские больницы, клиники и травмпункты не обращался и не доставлялся. В морг не поступал. Ни на одном кладбище Свиридов Василий Георгиевич не зарегистрирован.

– Это все? – спросил Никитин угрожающе.

– Нет, товарищ генерал, – продолжал тараторить Герасимов: по форме, так по форме. – Оперативное сообщение из Чувашии. Большой лесной пожар. Площадь в десятки квадратных километров, более точных оценок пока нет, пожарные устанавливают границы. Очаг фронтальный, протяженный, причины возгорания не установлены. Двигается к северу со скоростью пять-семь километров в час. Из Москвы вылетело спецподразделение по борьбе с лесными пожарами, сообщений о его работе пока нет.

– Про пожар-то ты мне зачем? Пусть Шойгу с ним разбирается...

– Очаг возгорания, – не обращая внимание на реплику Никитина, продолжал Герасимов, – лежит всего километрах в ста по железной дороге от предполагаемой точки, к которой должен был выйти «мордовский террорист», если он продолжал движение в восточном направлении. Правда, скорость при этом он должен был выдерживать предельную, поскольку передвигаться в этом направлении возможно только пешком. Лесное возгорание было квалифицировано мною как совершенный им поджог. Эта версия нашла подтверждение после запроса по станциям указанной железнодорожной ветки. Со станции Алатырь сообщили, что из Москвы был доставлено сутки назад единственное грузовое отправление – небольшой деревянный ящик, чуть больше метра в длину, полметра в ширину, сантиметров сорок высотой, весом пятьдесят четыре килограмма вместе с тарой. Содержимое неизвестно. Ящик был адресован Свиридову Василию Георгиевичу, прописанному в Москве, который и получил его сегодня в первой половине дня. В Алатыре никто этого Свиридова не видел... И еще одна деталь. Очаг возгорания вытянут вдоль заброшенной лесной дороги, выходящей километров через восемьдесят на трассу Ульяновск-Чебоксары-Казань, а еще километров через двадцать на железнодорожную линию Ульяновск– Казань...

Герасимов замолчал, давая генералу понять, что у него – все, доклад окончен. Никитин немного посопел в трубку, потом буркнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.